

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 929.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-6-34

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

*Наумов О. Н.¹, Калинин Д. А.¹, Ильина Е. Б.², Сахаров И. В.³,
Полянская Ю. Н.³, Александрова Н. А.⁴*

¹ Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

«Александровская слобода»

601652, Владимирская область, г. Александров, Музейный пр-д., д. 20, Российская Федерация

³ Российская национальная библиотека

191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18, Российская Федерация

⁴ Государственный музей А. С. Пушкина

119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 12, к. 2, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. В ходе круглого стола рассмотрены современные проблемы российской генеалогии, её информационная и источниковедческая модернизация.

Процедура и методы. Исследуются проблемы теории, методики, историографии и источниковедения генеалогии на примере различных сословий, анализируются междисциплинарные связи генеалогии с социальной историей, фалеристикой и музейным делом.

Результаты. Показаны основные направления развития современной российской генеалогии, её междисциплинарные связи, осуществлён анализ изучения генеалогии различных социальных групп и дана характеристика новых генеалогических источников.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты круглого стола могут способствовать совершенствованию генеалогических исследований в России в контексте современных подходов к изучению прошлого. Выводы и рекомендации авторов могут быть использованы в практической работе музеев и архивов.

Ключевые слова: генеалогия, фалеристика, дворянство, купечество, генеалогические источники, социогенеалогия

MODERN PROBLEMS OF RUSSIAN GENEALOGY (ROUND TABLE)

O. Naumov¹, D. Kalinin¹, E. Ilina², I. Sakharov³, Yu. Polyanskaya³, N. Alexandrova⁴

¹ *Moscow State Regional University*

10A, ul. Radio, Moscow 105005, Russian Federation

² *State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve "Aleksandrovsкая Sloboda"*

20, Muzejnyj pr., Alexandrov, Vladimir region 601652, Russian Federation

³ *Russian National Library*

18, ul. Sadovaya, St. Petersburg 191069, Russian Federation

⁴ *State Museum Named After A. S. Pushkin*

12, korp. 2, ul. Prechistenka, Moscow 119034, the Russian Federation

Abstract.

Aim. The round table was organized to consider modern problems of Russian genealogy with the purpose of assessing its current level of theoretical and methodological development.

Methodology. The problems of the theory, methodology, historiography and source study of genealogy were discussed on the example of various social strata. The interdisciplinary links of the discipline with social history, phaleristics and museology were analysed.

Results. The main directions in the development of modern Russian genealogy and its interdisciplinary connections were outlined. An analysis of approaches to the study of the genealogy of various social groups was conducted. New genealogical sources were characterized.

Research implications. The results of the round table can be used for the modernization of genealogical research in Russia, as well as in the practical work of museums and archives. The results contribute to the development of Russian genealogy in the context of contemporary approaches to the study of the past.

Keywords: genealogy, nobility, phaleristics, merchants, genealogical sources, sociogenealogy

Наумов О. Н.

Вступительное слово

Современная генеалогия – это мощное, многообразное, универсальное научное знание и сфера перманентного социального интереса. Несмотря на то, что эта дисциплина является специальной, она в полной мере интегрирована в общий процесс познания макроисторического прошлого через микроисторические реалии. Однако то обстоятельство, что генеалогии приходится работать с огромными объёмами информации, детерминирует общие задачи, которые стоят перед ней в настоящее время. Общественный интерес, массовый поиск сведений о собственных предках приводят к доминированию эмпиричности в родословном дискурсе, к поиску информации ради информации, и в такой ситуации утрачивается осно-

вополагающий смысл генеалогического анализа – раскрывать процессы политического, социального, интеллектуального развития человечества и механизмы их реализации в повседневности. Названное противоречие можно обозначить как кризис родословного знания, и он происходит вне зависимости от обширности эмпирического поиска. Всё это актуализирует потребность в выработке новых подходов к осмыслению информации, которые придали бы бесконечному перечню фактов упорядоченность и раскрыли бы их глубинный, онтологический смысл. Именно теоретические, методические, источниковедческие и историографические проблемы становятся сейчас наиболее востребованными для модернизации современной генеалогии.

В данном контексте наш круглый стол преследует цель наметить пути преодоле-

ния кризиса этой научной дисциплины и способствовать ее развитию в контексте исторического познания.

Наумов О. Н.

Инновационные методы в изучении русского дворянства (социогенеалогия)

Методологически большинство современных исследований по родословию дворянства остаются позитивистскими, представляя собой собрание биографических фактов и сведений о семейных связях без попыток их анализа. Между тем познавательные возможности генеалогии как научной дисциплины гораздо многообразнее. Родословный субстрат присутствует в политической, экономической, интеллектуальной истории, в разных областях гуманитарного знания (праве, этнологии, литературоведении и т. д.). Очевиден разрыв между познавательным потенциалом генеалогии и его реализацией. Одним из способов преодоления этого может стать применение методики социогенеалогического анализа.

Генеалогия неразрывно связана с социальным бытованием дворянства. Она выполняла регулирующие и стратифицирующие функции, обеспечивала трансляцию внутрисословной культуры и образа жизни, определяла переход собственности и правовой статус. Следовательно, необходима методика, основанная одновременно и на генеалогии, и на социальной истории, и её можно назвать социогенеалогией.

В социогенеалогическом дискурсе род понимается как совокупность связанных родством и общим происхождением моделей, которые бытуют синхронно в конкретный период и эволюционируют вследствие объективных общеисторических и субъективных, антропологически ориентированных факторов. Принадлежность к социогенеалогической модели определяла место семьи или индивидуума внутри сословия.

Элита России всегда была неоднородна и состояла из различных категорий. Каждую из них можно интерпретировать как самостоятельную социогенеалогическую модель, имеющую структуру и состоящую из постоянных и временных элементов. К первым относятся: генезис рода, его гендерный состав, демографические параметры, стратификация, матримониальные связи, служебно-должностное положение, материальное благосостояние, территориальная локализация и др. Их интегрированное изучение позволяет идентифицировать принадлежность рода к конкретной модели. Однако существовали специфические, хронологически обусловленные элементы структуры: для XVI – XVII вв. – участие в местнических спорах, для XVIII – начала XX в. – правовое признание сословных прав, геральдикация, образовательная стратегия и др.

Стратификация элиты допетровской Руси очевидна и детально описана [43], а в последующих эпохах она как будто исчезает вследствие политики по консолидации дворянства. Однако в действительности и в XVIII – начале XX в. внутри сословия присутствовала латентная дифференциация, не выраженная юридически, но однозначно осознаваемая самими дворянами. Она выражалась в противостоянии родов древних и недревних. Социогенеалогическая стратификация сословия, желание правительства обеспечить лояльность старинных родов, недовольных официальным пренебрежением к происхождению, проявились при установлении новых норм признания статуса в 1785 г. Разделение учреждённых тогда губернских родословных книг на 6 частей в зависимости от способа получения дворянства противоречило идее о единой элите. На бытовом уровне неоднородная структура отображалась в конфликтах, которые возникали, например, при заключении браков между неравными в социогенеалогическом положении лицами.

Для элиты XVIII – начала XX в. можно выделить следующие социогенеалогиче-

ские группы: титулованное дворянство, нетитулованная аристократия, древнее столичное дворянство, древнее провинциальное дворянство, иностранные роды на русской службе и роды, выслужившие дворянство по чину или получившие его по ордену.

Социогенеалогический метод даёт возможность преодолеть хаотичность генеалогических и биографических фактов, выстроить их в систему на основе теоретической идеи, позволяет отказаться от позитивистского подхода к изучению благородного сословия, по-новому раскрыть механизмы взаимодействия макроисторических процессов и микроисторической событийности.

Для социогенеалогического исследования собирание конкретной информации не является приоритетной целью: оно только создаёт эмпирическую базу для осмысления истории рода. Точность анализа прямо зависит от полноты и разнообразия сведений, от количества и достоверности использованных источников. Определённая трудность при реализации метода возникает из-за необходимости работать с информацией широкой тематики и относящейся к различным периодам, поскольку род изучается многоаспектно на всём протяжении его существования.

Не следует отождествлять социогенеалогическое исследование с другими направлениями научного поиска: с просопографическим анализом, когда итогом является коллективная биография общности индивидуумов, ограниченной какими-либо критериями, с направлением, известным как история семей, когда цель изысканий заключается в реконструкции и синтезе представлений об образе жизни семьи, выяснении её характеристик и этапов развития, и с исторической антропологией, ориентированной на микроисторию преимущественно в культурологическом аспекте.

В социогенеалогическом дискурсе особое место занимает вопрос о гене-

зисе рода. Это сложный, многогранный процесс самоидентификации, далеко не одномоментный, занимавший иногда длительный, вплоть до столетия, период. Сначала из некоего «прарода» выделялась ветвь, она постепенно обретала самостоятельность. Формирование рода завершалось в момент, когда чётко определялось его место в структуре элиты, устанавливалась фамилия, избирался семейный духовный центр (монастырь, куда регулярно делались вклады и где погребали усопших) и, главное, начиналась внутренняя дифференциация. Становление многих русских древних родов относится к концу XV – первой половине XVI в., совпадая, таким образом, с периодом генезиса служилого сословия централизованного государства.

Для социогенеалогии принципиален структурно-гендерный анализ, связанный с определением демографических параметров рода. Одна из основных его задач состоит в том, чтобы установить максимально приближённую к истинной численность рода и, соответственно, отнести его к категории малочисленных, средних или многочисленных. Определение количественных характеристик представляет собой сложную задачу. Состояние источников по генеалогии и истории отечественной элиты таково, что далеко не все имена сохранились, а принадлежность многих лиц к конкретным семьям остается дискуссионной.

Для XV–XVII вв. недоучёт происходил прежде всего из-за отсутствия сведений о женщинах. Информация о них случайна и извлекается преимущественно из актов, связанных с недвижимостью, синодиков, немногих уцелевших надгробных памятников. По отношению к XVIII в. ситуация упрощается благодаря росту количества и разнообразия источников, фиксации женщин в опубликованных некрополях и т. д., но возникает другая сложность. Она определяется отсутствием до конца столетия целенаправленной посемейной фиксации дворянства. Это приводит к

появлению в любой родословной многочисленных лиц и даже целых ветвей, точное происхождение которых неизвестно.

Истинная численность устанавливается только для XIX – начала XX в., когда удалось наладить сравнительно полный учёт дворян в губернских родословных книгах. Неточности могут быть и в данном случае: из-за детей, умерших малолетними, или дочерей, которые не всегда причислялись к сословным корпорациям. Кроме того, подсчёты осложняются появлением однофамильцев.

Отчасти компенсировать лакуны источников позволяет структурно-гендерная статистическая таблица. Благодаря ей количество членов рода в каждом поколении устанавливается более адекватно. Обычно число женщин и мужчин в родословных оказывается примерно одинаковым к XIX в., а по отношению к предыдущим векам наблюдается диспропорция, иногда существенная. Мужчин всегда больше. Для определения приближенной к действительной численности следует в поколениях, приходящихся на XVI – XVIII вв., уравнивать количество мужчин и женщин. Известной закономерностью, что мальчиков рождается больше, чем девочек, в данном случае можно пренебречь. Очевидно, что полученная цифра тоже примерна, мужчины могут учитываться не полностью, но, все-таки, она более верна, чем если принимать во внимание только мужских представителей рода, как делается традиционно. В качестве примера рассмотрим гендерную структуру Аксаковых. Их известно 252 человека (167 мужчин и 85 женщин) [35, с. 465]; применяя описанную методику, получаем, что в роде насчитывалось 326 представителей.

Определяя принадлежность рода к количественной категории, следует принимать во внимание три обстоятельства: во-первых, то, что численность могла меняться в разные периоды (в одном веке род малочисленный, в другом – многочисленный); во-вторых, она могла разли-

чаться по ветвям (одна ветвь малочисленная, другая – нет); в-третьих, необходимо учитывать общие демографические процессы, особенно увеличение числа дворян в XIX – начале XX в. После 1917 г. из-за Гражданской войны, репрессий и последовавшего снижения рождаемости произошло резкое сокращение всех дворянских семей, что, в свою очередь, увеличило риск их пресечения.

При социогенеалогическом анализе необходимо учитывать стратификацию рода, часто состоявшего из ветвей, которые принадлежали к различным моделям. Выделение ветвей происходит по четырем основным критериям: 1) социальный статус; 2) место жительства или нахождения недвижимого имущества; 3) генеалогическое старшинство; 4) происхождение от определённого лица. Полноценная ветвь насчитывает не менее четырёх поколений, т. е. превосходит традиционную семью, состоящую из трёх поколений (бабушки и дедушки, родители, дети). Понятие «ветвь рода» неустойчиво. До XVII в., когда в семье были только родители с детьми, допустимо выделение ветви из трёх поколений.

Место рода в сословной иерархии наглядно демонстрируют матримониальные связи. Брачный союз с человеком более высокого положения становился «социальным лифтом» как для самой семьи, так и для родов, связанных с ней свойственными отношениями. Особую ценность всегда имело любое родство с монархами. В XVIII в. лица, выдвинувшиеся в петровское время или немного позже, широко использовали браки со старой аристократией, чтобы закрепить новый социогенеалогический статус и обеспечить его трансляцию. Брачные связи большинства родов были обусловлены территориальной близостью имений, местом жительства или службы, принадлежностью к одному родственному клану. Существенные социогенеалогические модификации произошли во второй половине XIX – начале XX в. Рас-

пространились союзы с лицами из иных сословий. Тенденция проявлялась во всех слоях сословия, в том числе в аристократии. Например, граф Б. А. Ефимовский в 1889 г. женился на дочери потомственного почётного гражданина О. А. Колли, а граф В. В. Капнист в 1906 г. – на дочери купца М. Г. Трофимовой¹. Дворянство утрачивало замкнутость, становилось более открытым сословием.

Принадлежность к социогенеалогической модели детерминировала служебно-должностное положение рода. Во многих случаях оно определилось ещё в конце XV – первой половине XVI в., когда формирование централизованного государства потребовало новой элиты. Рубежным событием стала Тысячная реформа 1550 г. Она создала возможность для служилых людей переместиться в столицу и предопределила их принадлежность к социогенеалогической модели (московское или провинциальное служилое сословие). На протяжении XVII в. постоянный рост численности государева двора, реформы в организации службы обусловили мобильность семей, их перемещение в иные категории.

При изучении истории родов в XVI–XVII вв. необходимо учитывать их включённость в местнический процесс, динамику и активность споров, круг соперников. Местничество интегрировало генеалогические и социальные факторы и изначально было, по сути, явлением социогенеалогическим. Состав участников разбирательств менялся, а «вымывание» рода из них определялось его угасанием или «захуданием» [58, с. 123]. Известны многочисленные случаи, когда социально выдвинувшиеся ветви отрицали общее происхождение с провинциальными и обедневшими однородцами [4, с. 51–53, 56]. Так произошло, например, у Пушкиных, когда младшая, но достигшая боярства ветвь умолчала о своих захудалых новгородских родичах.

¹ Центральный государственный архив Москвы. Ф. 4. Оп. 13. Д. 254. Л. 39; Д. 270. Л. 21.

В императорской России служебно-должностное положение, динамика движения в чиновничьей иерархии, пожалование придворного звания или чина определялись не только ограничениями или возможностями, которые давали происхождение и родство, но и социальным приоритетом, когда военная служба считалась более почётной, чем гражданская. В реальности это положение реализовалось через представление о «семейной традиции», стремление сыновей повторить карьеру отца. Наглядным случаем может служить род Аксаковых, где в одной ветви традиционно избирали военную, а в другой – гражданскую службу [35, с. 456, 459].

При социогенеалогическом дискурсе нельзя упускать из виду материальное благосостояние, опосредованно, но очевидно связанное с генеалогическими факторами. Сопровождаемое приданным заключением брака, наследование собственности, разделы имущества между родственниками, будучи фактами генеалогии, одновременно влияли и на благополучие семьи. Кроме того, материальный достаток часто зависел от служебно-должностных реалий, косвенно отражая социогенеалогический статус. Бюрократическая верхушка всегда обладала широкими возможностями для увеличения недвижимой собственности. В допетровский период существовало прямое соотношение чина с размером помещного и денежного окладов, в XVIII в. аристократия поддерживалась через императорские пожалования земель и денежных сумм.

Динамика благосостояния напрямую зависела от служебно-должностного статуса. Как правило, перемещение из высших слоёв сословия в низшие влекло за собой изменения в достатке семьи – прежде всего, уменьшение земельной собственности – но это происходило не сразу, а через 1–2 поколения. Обратный процесс, перемещение в категорию аристократии, также приводило к экономи-

ческой эволюции, но, в отличие от первого случая, когда условное «обнищание» растягивалось во времени, обогащение происходило быстро. В качестве примера можно указать на стремительный рост вотчин у Стрешневых после породнения с царской семьей [36, с. 10–11].

При изучении родов на рубеже XVIII – XX в. необходимо учитывать правовые аспекты бытования дворянства. Юридическое признание или непризнание за человеком принадлежности к благородному сословию влекло многочисленные социальные, служебно-должностные, экономические последствия. Интегрирующим моментом правового оформления статуса и происхождения стало внесение рода или лица в родословные книги. Фиксация в них была юридическим действием, означавшим вступление в сословную корпорацию, после которого дворянин получал возможность реализовать свои права и привилегии. Изучение хронологической динамики записи в книги, гендерного состава внесенных, составление перечня корпораций, к которым принадлежала семья, создают основу для выяснения стратификации рода, реконструкции его демографических параметров, определения территориальной локализации и т. д.

Изучение дворянского рода должно происходить в контексте социальной, политической, экономической и интеллектуальной истории. Такая методика позволяет объективно объяснить его эволюцию, принадлежность к конкретной социогенеалогической модели, дистанцировать события, обусловленные тенденциями в развитии сословия, от индивидуализированных сюжетов. Это создает возможность верифицированно реконструировать сочетание макро- и микроисторических факторов в историческом процессе.

Социогенеалогическое исследование информационно, методически и тематически является комплексным, интегрирующим различные области науки

(генеалогию, геральдику, историю экономики, антропониимику, демографию, право и т. д.). Оно полностью соответствует инновационным направлениями гуманитарного дискурса, направленным на познание Человека во всем многообразии его исторического бытия. Массовое использование нового метода способно сделать модернизацию родословного знания более интенсивной, расширить гносеологические возможности генеалогии, добиться качественных изменений в понимании прошлого, что будет способствовать совершенствованию методологических основ современной гуманитарной науки в целом.

Калинин Д. А.

Фалеристический аспект в генеалогических исследованиях (по материалам советского периода)

Интерес к прошлому своей семьи в последнее время переживает в России очередную подъём. Для генеалогических исследований необходим багаж знаний и умений, относящихся к специальным историческим дисциплинам. Почти всегда исследования носят междисциплинарный характер, и примером такой связи является информационный диалог между генеалогией и фалеристикой.

Нередко интерес к истории рода начинается с вопроса о том, был ли кто-то отмечен наградами. Награда – знак социально-политический, и поэтому включённый в социогенеалогическую историю рода. Наряду со званиями, чинами, титулами наградные знаки отличия входили в систему социального этикета, близко примыкающую к генеалогии [9]. Не случайно в досоветский период наличие наград указывалось в биографических справках поколенных росписей знатных родов. Эта традиция сохранилась и в современных генеалогических изданиях [15]. С течением времени состав справки расширялся: сначала ордена не указывали или упоминали только их высшие сте-

пени [14; 19; 20; 48], а также отмечалось наличие дополнительных элементов, повышавших статус награды (например, украшение знаков ордена бриллиантами) [28]; затем стали перечислять все имевшиеся у конкретного лица ордена (включая иностранные)¹[31], а потом упоминали медали и другие отличия [5; 53]. Даты награждения также сначала почти не указывали [14; 28; 48], но потом и они появились, иногда с конкретизацией заслуг [5; 53]. Из этого можно сделать любопытный вывод: со временем, когда наименований знаков отличия становилось все больше, награждения производились чаще и охватывали уже не только представителей дворянского сословия, в сознании последнего девальвации наградного института не происходило. Перечисление как можно большего числа фалеронимов свидетельствовало об их высоком значении для общего представления о статусе рода, его вовлечённости в общественно-политические процессы, о выполнении его представителями главной цели дворянина – служения Отечеству и Государю. Награждения выступали мерилем благосклонности монархов и, соответственно, демонстрировали близость к престолу.

При советской власти, отвергшей прежние награды, тоже была привилегированная часть общества, были свои звания и знаки отличия, а также настоящий культ Героев. Награждения выступали средством формирования, поощрения и дифференциации элиты общества [18, с. 130]. На государственном уровне издавались справочники о кавалерах высших наград – героях войны и труда, краснознаменцах, лауреатах премий. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия награды стали массовым явлением, важным атрибутом повседневности. Именно в этом видится возрождение интереса к семейной героической истории в условиях «развитого социализ-

ма». Поскольку награждения советского периода тщательно документировались, вёлся их централизованный учёт и хранение сопроводительных материалов, в настоящее время именно награды являются одним из наиболее ценных источников для реконструкции биографий.

Согласно классификации награды занимают промежуточное положение между вещественными и письменными источниками, поскольку любому награждению сопутствует комплекс документов, адресованных как награждателю (для обоснования награждений и их учёта), так и наградополучателю (для подтверждения факта награждения). Отсюда появляется возможность с помощью имеющихся в распоряжении знаков отличия с идентификационными признаками (номерами) и/или документов к ним установить факты биографии их владельцев. Кроме того, в фалеристическом аспекте генеалогического исследования могут быть задействованы и другие источники, носящие изображение награжденного либо повествующие о получении им орденов, медалей, знаков.

При наличии в семье наград или фотографий лиц, отмеченных ими, существует возможность узнать имя отличившегося и получить дополнительные сведения о нём. Простейший метод исследования – изучение наград и документов к ним, а также беседы с родственниками. Однако этого не всегда достаточно. Проанализируем типовые исследовательские ситуации, которые могут возникнуть при реконструкции сведений о предках, живших в советский период.

Ситуация первая: есть награды, но нет документов к ним. Для начала следует понять, сохранился ли полный комплект знаков отличия, принадлежавших одному лицу, или он фрагментирован. Нередки случаи, когда после смерти награжденного его ордена, медали и знаки могли поделить между собой родственники. Следует также учитывать, что до февраля 1977 г. на законодательном уровне

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 720. Оп. 1.

была закреплена практика возвращения орденов и медалей и документов к ним государству; исключения были сделаны для некоторых медалей, в основном памятных и юбилейных, а также для ордена Отечественной войны, которые оставались на хранение в семье как память. Однако если это требование и выполнялось, то преимущественно для наград известных и высокопоставленных кавалеров, прежде всего, из числа военных.

На начальном этапе установить перечень наград могут помочь изобразительные источники разного периода (т. к. со временем могли не только появляться новые награды, но и быть утрачены прежние), а также любые документы, в которых зафиксированы факты награждения. В дальнейшем для успешного исследования необходимо соответствие хотя бы одному условию: имеющиеся награды должны быть номерными либо редкими, относиться к определённым организациям или иметь связь со значительными событиями. Последнее условие в настоящее время актуально лишь для орденов, медалей и знаков отличия, связанных с Первой мировой и Великой Отечественной войнами, благодаря появлению таких банков данных, как «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов», «Подвиг народа» и «Память народа», ориентированных на поисковые запросы о наличии наград.

Сведения об установлении принадлежности орденов и медалей по их номерам находятся преимущественно в ведомственных архивах, к фондам которых доступ ограничен. Установить награждённого по номеру знака отличия можно только по запросу, направленному органом власти, музеем или иной организацией. Без обращения в архив по номеру можно определить примерную дату вручения награды, сравнивая её с датами выдачи одноимённых фалеронимов, имеющих близкий номер.

Ситуация вторая: самих наград нет, но есть документы к ним или только с

упоминанием о них. Основными личными документами, содержащими сведения о наградах, являются орденские книжки, удостоверения к медалям, военные билеты и трудовые книжки. В 1960-е гг. военнообязанным вместо красноармейских и краснофлотских книжек выдавали военные билеты, где содержатся сведения о наградах. В годы Великой Отечественной войны, как правило, выдавали временные удостоверения, которые затем следовало обменять на постоянные наградные документы; большинство таких удостоверений были обменены на орденские книжки или удостоверения к медалям в 1946–1947 гг.

Некоторые документы подтверждают факт участия в событиях, за которые при соблюдении определенных критериев следовало награждение: это удостоверение участника или инвалида войны, комсомольские путёвки на строительство БАМа, грамоты за участие в оказании интернациональной помощи и др. Сведения о награждении могут содержаться в семейных архивах: дневниках, воспоминаниях, письмах с фронта, в вырезках из газет, мемуарах.

Определенный нюанс связан со званием ветерана труда: за ним может скрываться как награждение одноименной государственной медалью, врученной от имени Президиума Верховного Совета СССР с 1974 по 1991 гг., так и всего лишь знак за долголетнюю работу на предприятии (при этом медали могло и не быть).

Ситуация третья: есть только изобразительные источники (фотографии, видео, портреты), запечатлевшие родственника с наградами или планками с лентами от них. В данном случае проводится фалеристическая экспертиза, заключающаяся в анализе знаков отличия или их лент, в определении даты, ранее которой снимок не мог быть сделан (по наиболее поздно учрежденной награде), либо промежутка времени (между достоверно известными награждениями). При этом можно привлекать наградные доку-

менты или вовсе обойтись без них. Следует иметь в виду, что набор наград или лент может быть неполным.

Маркёрами на изображениях выступают также знаки общесоюзного образца, например, для ударников труда или пятилеток, победителей соцсоревнования, выпускников учебных заведений, лауреатов премий, носителей почётных званий. Для военнослужащих и граждан, работавших в ведомствах, в которых было предусмотрено ношение форменной одежды, именно форма выступает в качестве дополнительного датирующего признака.

Ситуация четвертая, наиболее сложная: от родственника в наследство не осталось никаких личных материалов, кроме минимальных биографических сведений и предположений об участии в войне или упоминаний, например, о том, что человек являлся ударником-орденоносцем. В данном случае проще установить факт награждения в отношении участников войны, поскольку информацию о них можно попытаться отыскать на ресурсах «Подвиг народа», «Память народа», «Герои страны» или «Бессмертный полк». Поскольку ещё не все документы выложены в свободный доступ, целесообразно обращаться в архивы, в фондах которых хранятся наградные материалы, особенно если человек имел отношение к определённому ведомству.

При поиске информации о судьбе военнослужащих в архивах генеалогии рекомендуют делать самостоятельный запрос о наличии наград. При положительном ответе результатом может быть обнаружение учётной карточки, а также представления к награде, приказа о награждении и наградного листа; последний является ценным источником персональных сведений, не ограничивающихся описанием боевого пути (от места призыва до места демобилизации или гибели), подвига и прочих заслуг. Учётные карточки, введённые в 1947 г., заполнялись только на награждённых солдат и офице-

ров. В них переносились сведения из карточек, заполненных во время войны; на погибших карточки не переоформляли. Эти карточки привязывались к номеру орденовой книжки и/или удостоверению к медали. Возможно наличие нескольких карточек на одного человека, составленных в разное время и привязанных к разным наградным документам. Помимо общих сведений о владельце награды они содержат информацию о ближайших родственниках с годами их рождения и адресом проживания.

Анализ методики поиска сведений о лицах, награждённых советскими знаками отличия, свидетельствует о наличии тесной связи между фалеристикой и генеалогией. Являясь одним из источников, награды, связанные с государственной властью и осуществляемыми ею мероприятиями в различных сферах жизни, демонстрируют включённость их обладателей в общественно-политический процесс, что в свою очередь практически гарантирует возможность через изучение наградных материалов осуществить восстановление истории рода.

Ильина Е. Б.

Проблемы изучения генеалогии провинциального купечества (по материалам Владимирской губернии)

Переломным временем для купечества является конец XVIII – начало XIX в. Именно в это время формируется купец-предприниматель, для которого был важен не только рост капитала, но и служение обществу. В XIX в. произошло разделение купечества на группы, различавшиеся видами предпринимательской деятельностью, гильдейской принадлежностью, уровнем жизни и размером капитала. Но отличия намечались и в образе жизни столичного и провинциального купечества. Первое из них стремилось приобщиться к жизни дворянства, тогда как провинциальное оставалось консер-

вативным, сохраняя семейные традиции и устои своего сословия.

Следует отметить, что большинство исследований посвящено проблемам экономической деятельности купцов, тогда как демографический, генеалогический, этнографический, социальный аспекты истории этого сословия остаются практически не изученными. Большинство работ касается столичного или сибирского купечества, а изучение купечества других регионов оставляет желать лучшего.

С объективной точки зрения тема провинциального купечества практически не исследована, и это касается таких семей, как Зворыкины, Мурашкины, Никитины, Первушины, Зубовы, слава о которых гремела по всей России. О менее известных купцах и говорить не приходится. Между тем изучение генеалогии купечества сейчас очень актуально, поскольку с конца 1980-х гг. Россия вернулась на традиционные пути своего развития, в том числе возросла ценность семейной, родовой культуры.

В литературе о купцах Владимирской губернии писалось довольно много. Это, прежде всего, региональные издания, в том числе периодики. Богатейший материал для исследований дают «Владимирские губернские ведомости» и «Владимирские епархиальные ведомости». Нельзя не отметить работы, которые создавались специально к какому-либо событию. Например, труды экономистов В. С. Пругавина и С. А. Харизоменова «Промыслы Владимирской губернии» [47], вышедшие в печать в 1882 и 1884 гг. в Москве. Материалы для работ экономисты собирали в течение 1880 г. по поручению комиссии по устройству кустарного отдела промышленно-художественной выставки в Москве 1882 г. Рассматривая промыслы, авторы упоминали о деятельности династий купцов и об их взаимодействии с другими предпринимателями. Упоминались владимирские купцы и в мемуарной литературе: воспоминаниях М. П. Чехова, С. Я. Елпатьевского,

Н. А. Варенцова, П. А. Бурьшкина и др. [57; 22; 11; 10]. О взаимодействии купцов разных уездов между собой дают представление книги М. Н. Барышникова, П. А. Примаченко, «1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов», вышедшие в 1990-х гг. [7; 46; 56]. Используя документы и печатные материалы XIX в., авторы порой не указывают своих источников, например, так поступил П. А. Примаченко [46], рассказывая о крупнейших фабрикантах Прохоровых, Крестовниковых и др.

Неотъемлемой задачей любого генеалогического исследования является составление родословной. Для этого используют массовые делопроизводственные документы, хранящиеся в фондах Москвы и Владимира. Огромное количество не изученной пока генеалогической информации содержат метрические книги и ревизские сказки купцов.

В метрических книгах имеются сведения о месте и дате рождения, сословии, именах и фамилиях родителей, бракосочетаниях, количестве детей, их именах и возрасте. Но, несмотря на то, что метрические книги содержат уникальную информацию для составления родословных купечества, в них есть ряд существенных недостатков: проблемы идентификации личности при рождении, бракосочетании, смерти; неточность сведений о возрасте; сокращение слов с выносом титлов. Многие ошибки не поддаются анализу и расшифровке.

Основным источником для изучения генеалогии провинциального купечества, в том числе и владимирского, являются ревизские сказки. Они содержат информацию, записанную представителем власти для взывания налогов. Это уникальные сведения о демографическом составе купеческого сословия. Сказки записывались со слов самих купцов и содержат достоверную информацию о домохозяйстве, отношениях родства, половозрастном составе, годе причисления в купечество.

Генеалогический аспект занимает важное место в изучении купеческих семей. Это связано с их деятельностью, так как успех предпринимательской деятельности напрямую зависел от наличия преемственности капитала и образования династий.

В данном случае династия – это преемственность, сохранение и накопление капитала, сохранение положения в первых двух гильдиях не менее двух поколений. Наиболее крупными по численности купечества и промышленным заведениям в XIX в. во Владимирской губернии считались города Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев-Польский, Александров. Исследование подтверждает неустойчивость купеческих родов и династий, длившихся одно-два поколения. Из 70 семей, которые числились в первой и второй гильдиях, значительная часть (56%) выбыла из состава гильдий ещё при жизни купца, который объявил капитал (например, Первушины, Сущевы). В отдельных случаях (22%) перемещение из состава купечества в мещанство осуществлялся детьми (Бибановы, Ермолины). Переход в мещанство или в третью гильдию происходил в третьем поколении рода (в частности, Зворыкины, Агаповы, Растворовы) у 9,1%. И только 4,5% купеческих родов насчитывали больше трёх генераций (Барановы, Зубовы, Никитины)¹. Переходы из одной гильдии в другую или переход в мещанство сильно затрудняют изучение генеалогии провинциального купечества.

Несмотря на это, наибольшей стабильностью и преемственностью отличались купеческие семьи первой гильдии. Высокая устойчивость родов определялась совместной деятельностью и торгово-промышленным предпринимательством. Недвижимость (жилые дома, торговые помещения, промышленные предприятия) играли большую роль в укреплении преемственности купеческих родов.

¹ Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 15, 16, 22, 26, 28.

Неустойчивость купеческих семей может быть обусловлена несколькими факторами: отсутствие наследников, деловая хватка, налогообложение, правовое положение, таможенная политика, особенности развития различных отраслей промышленности и т. д. Эти факторы одновременно оказывали существенное влияние на успешность торгово-промышленного дела и на генеалогическую устойчивость династии. Доктор исторических наук А. И. Аксенов считал социально-экономические факторы основными из всех [2], но он также не отрицал того факта, что в отдельных случаях первичными оказывались биологические факторы. Подобную ситуацию можно проследить на примере истории рода муромских купцов 2-й гильдии Зворыкиных. Их последний представитель умер, не оставив потомства. На устойчивость династии, несомненно, влияла многодетность. В подобном случае имелись негативные экономические последствия из-за раздела имущества между родителями и детьми. Это могло частично или полностью способствовать перемещению семью в низшую гильдию или иное сословие, хотя и в такой ситуации имелись исключения. В качестве примера можно привести историю раздела имущества между братьями Мездряковыми (Муром, 1828 г.) или Барановыми (Александров, 1863 г.)². Все члены этих семей после раздела числились в составе первой гильдии.

«Продолжительность купеческих династий, как правило, составляла два-три поколения. Наследникам не передавались качества, характер родоначальника рода, и он угасал, вырождался» [7, с. 46]. Упомянутый выше М. Н. Барышников отмечал важность личных качеств и способностей. Определить, кто из купцов имел необходимые деловые качества, в большинстве случаев очень сложно и возможно лишь косвенно, исходя из успешности их коммерческой деятельно-

² Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 301. Оп. 3. Д. 407; Ф. 389. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–13.

сти. Примером такого удачливого предпринимателя могут считаться суздальские купцы Ермолины. Основоположник их династии Лука Дмитриевич всю жизнь увеличивал капитал и занимался приобретением недвижимости. Его сын Федор Лукич выбыл в мещанство после смерти отца¹. Возможно, что он не имел качеств коммерсанта, как родитель.

Исторически сложилось так, что купцы вкладывали капиталы в промышленность или отдельные купцы являлись владельцами предприятий, так как «российское купечество видело в приобретении или строительстве промышленных предприятий наиболее надежное помеще-ние капиталов, обеспечивающее прочность существующей фамилии» [45]. Из изученных нами купеческих родов Владимирской губернии большинство были владельцами фабрик и заводов. Те же, кто не имел таких предприятий, являлись представителями торгового капитала. При этом необходимо отметить такую генеалогическую тенденцию: среди них полностью отсутствуют династии, в которых насчитывалось бы более двух поколений. Основная часть их династий не сформировалась. Данный факт свидетельствует о том, что вложение капиталов детерминировало сохранение династии.

Однако купцы-промышленники в очень значительной степени зависели от рыночного спроса на товар, который ими производился, а торговое купечество являлось более мобильным, могло легко изменить объект торговли на более выгодный. Возможной причиной разорения купеческих родов и перехода в другое сословие являлось резкое снижение спроса. Представители династий, в основном первой и второй гильдий, пережили в 1850-х – 1870-х гг. не лучшие времена. Так, многие купеческие семьи Суздаля и Юрьев-Польского разорились, некоторые предприятия были преобразованы в товарищества (Зубовская, Соколовская в

Александрове). Кризис в Муроме на полотняных фабриках затронул купеческие семьи в середине XIX в. Многие фабрики производили полотняные ткани для изготовления парусины, которые поставлялись на экспорт и в казну. Развитие парохозяйства стало угрозой для существования и фабрик, и капиталов их владельцев соответственно.

Кожевенная промышленность также была связана с экспортом. Во Владимирской губернии, как и по всей России, существовало множество мелких мануфактур по выделке кож. Весь XVIII в. действовал запрет на вывоз выделанных кож, что способствовало сохранению отечественного производителя. В конце XVIII в. в губернии насчитывалось 98 кожевенных заводов, большинство из которых находилось в Суздале и Муроме (21 и 17) [54, с. 8]. Они поставляли выделанные кожи на европейский рынок, но повышение тарифов позволило вывозить из страны сырые кожи. Это привело к тому, что к 1830-м гг. число кожевенных заводов резко сократилось, в Муроме их стало 6, в Суздале – 3. Большинство купеческих семей разорилось, что привело их к переходу в другие гильдии или сословия. Положение сохранили купцы, вовремя изменившие производство (в частности, муромские купцы Емельяновы стали заниматься не кожевенным производством, а полотняным), или те, кто владел одновременно несколькими производствами различного профиля (например, купцы Мяздриковы владели наряду с кожевенными заводами салотопленным производством) [54].

Провинциальное купечество сталкивалось с различными и многочисленными трудностями при сохранении рода в составе своего сословия. Помимо стабильного капитала было необходимо обладать определенными деловыми и коммерческими качествами. Не все семьи смогли справиться с такими проблемами, что оказывало влияние на их генеалогическую стабильность.

¹ Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 405. Оп. 1. Д. 600.

К сожалению, очень сложно проследить все аспекты наследования, взаимодействия купеческих родов между собой, их связь с собственностью. Причина такой ситуации заключается в недостаточной разбросанности материалов, отсутствии систематической информации, малой изученности темы. Не исключено, что при работе с архивами Москвы и Владимира будут выявлены новые факты по истории и генеалогии купеческих родов, таких как Семеновы, Обрезковы, Филимоновы и др., что позволит более полно и объективно представить жизнь купечества Владимирской губернии, создать полную картину генеалогической преемственности купеческих родов.

Полянская Ю. Н., Сахаров И. В.

Генеалог А. А. Сиверс в окружении друзей и коллег

Возрождение интереса к генеалогическим исследованиям в нашей стране, начавшееся в конце 1980-х гг., и воссоздание вслед за этим Русского генеалогического и Историко-родословного обществ привели к осознанию необходимости изучения деятельности и наследия наших предшественников. В конце XIX – начале XX в., когда генеалогическая наука в России переживала расцвет, был накоплен значительный источниковедческий и методический опыт, который может быть использован современными исследователями. Изменение политической ситуации после 1917 г. не позволило многим генеалогам завершить и опубликовать свои труды. Между тем эти работы до сих пор не потеряли актуальности и ждут введения в научный оборот.

Деятельность историков-генеалогов необходимо изучать, принимая во внимание среду их профессионального и дружеского общения, подходить к каждому человеку не изолированно, а в окружении единомышленников. Поэтому в данном случае целесообразно использовать метод просопографического анализа.

Пристального внимания историков науки заслуживает Александр Александрович Сиверс (1866–1954), генеалог, внёсший своей научной и общественной деятельностью заметный вклад в развитие этой научной дисциплины [41]. При этом А. А. Сиверс продолжил заниматься генеалогией после 1917 г., когда она оказалась фактически запретной, и стал связующим звеном между дореволюционными и современными исследованиями.

Для написания статьи были привлечены, прежде всего, материалы четырёх личных фондов А. А. Сиверса, сохранившихся в архивохранилищах Петербурга и Москвы (Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, отдела письменных источников Государственного исторического музея), и документация этих фондов в архивах. Использованы также документы Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры, сотрудником которых А. А. Сиверс был в 1920-е гг., его следственное дело и другие архивные материалы. Некоторые важные моменты раскрывают воспоминания его дочери – Т. А. Аксаковой.

Судя по сохранившимся свидетельствам, а также по богатому наследию А. А. Сиверса, он был человеком чрезвычайно трудолюбивым. Однако, несмотря на постоянную загруженность, историк находил время для общения с друзьями и коллегами. Неизменной темой их обсуждений были генеалогические вопросы.

Долгие годы одним из самых близких друзей А. А. Сиверса был Николай Николаевич Муханов (1861–1922). Они оба служили в удельном ведомстве в Петербурге, а в 1890–1891 гг. даже наняли вместе квартиру на Шпалерной улице. Вместе с ними в той же квартире поселились Яков Исаевич Элиасберг (1859–1905), служащий в Гражданском кассационном департаменте Сената, и Иван Павлович Шипов (1865–1920),

чиновник канцелярии Комитета министров. «Содружество на Шпалерной улице» (выражение Т. А. Аксаковой [1, с. 48]) одним из первых покинул А. А. Сиверс после женитьбы. Однако дружба продолжилась, более того, А. А. Сиверс увлек друзей историей. Так, когда в сентябре 1897 г. А. А. Сиверс подал прошение о зачислении в Археологический институт, одновременно с ним аналогичные прошения подали его друзья Н. Н. Муханов и Я. И. Элиасберг¹. В воспоминаниях дочери А. А. Сиверса упоминается, что эти его друзья часто бывали у них дома.

В 1902 г. А. А. Сиверс стал членом закрытого элитарного клуба – Санкт-Петербургского Английского собрания. Здесь у него появилась возможность регулярно общаться не только с И. П. Шиповым и Н. Н. Мухановым, но также с другими членами клуба. Так, собрание посещали некоторые генеалоги – члены Русского генеалогического общества (РГО) Михаил Иванович Ушаков, а также Александр Сергеевич Ермолов (1851–1916) и князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921). А. С. Ермолов, вероятно, познакомил А. А. Сиверса с другим членом Клуба – своим двоюродным братом генерал-лейтенантом Григорием Петровичем Ермоловым (род. в 1834 г.), личные бумаги которого впоследствии оказались в собрании А. А. Сиверса². То же можно сказать о части личного архива другого посетителя Английского клуба – Сергея Елизаровича Смельского (род. в 1838 г.), члена Совета министра Императорского двора³.

В ноябре 1906 г. А. А. Сиверс и Н. Н. Муханов одновременно были при-

няты в члены Историко-родословного общества в Москве. Известно, что А. А. Сиверс общался со многими его членами. Свидетельством этого являются адресованные ему письма Л. М. Савелова⁴, Н. В. Мятлева⁵, Н. П. Чулкова⁶ и Д. В. Ульянинского⁷, из которых видно, что А. А. Сиверс регулярно обменивался с ними различными генеалогическими сведениями. Кроме того, А. А. Сиверс принял участие в сборнике статей, посвященном Л. М. Савелову [52].

В это же время происходит сближение А. А. Сиверса с Русским генеалогическим обществом в Петербурге. Способствовал этому Борис Львович Модзалевский (1874–1928) [21; 38], в то время уже известный литературовед, который активно интересовался просопграфией и генеалогией. Вероятно, именно Б. Л. Модзалевский, ставший в 1907 г. членом-сотрудником Русского генеалогического общества, окончательно склонил А. А. Сиверса к вступлению в него. Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс регулярно обменивались сведениями по интересующим их фамилиям⁸. Со временем он стал, по словам дочери А. А. Сиверса, «ближайшим другом» её отца [1, с. 329, 441].

5 марта 1908 г. на общем ежегодном собрании Русского генеалогического общества А. А. Сиверс был избран действительным членом. Его кандидатура была предложена бароном Н. А. Типольтом и В. С. Арсеньевым⁹, которые вошли в круг его близких друзей.

Барон Николай Аполлонович Типольт (1864–1948), морской офицер, генерал-майор флота, был членом Русского генеалогического общества со времени его создания, а с 1907 г. – членом совета (казначеем). Он основательно заинтересо-

¹ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 119. Оп. 1. Д. 75. Л. 257–260.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1068. Оп. 1. Д. 233–305; Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 163, 179.

³ ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 760–823; Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 67, 178, 208.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 720. Оп. 1. Д. 64.

⁵ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 54.

⁶ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 75.

⁷ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 72.

⁸ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 51.

⁹ РГИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 19, 23.

вался вопросами генеалогии и особенно геральдики. Барон Н. А. Типольт тесно сотрудничал с Владиславом Крескентьевичем Лукомским (1882–1946), в 1915 г. они совместно издали книгу «Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов». Вероятно, именно барон Н. А. Типольт познакомил А. А. Сиверса с В. К. Лукомским. Последний вступил в Русское генеалогическое общество в 1910 г., с 1915 г. состоял в должности управляющего Гербовым отделением Сената.

Василий Сергеевич Арсеньев (1883–1947) был хорошо известен в генеалогических кругах, несмотря на то, что в 1908 г. ему было всего 25 лет [35, с. 165–208]. В 1903 г. был издан его капитальный труд «Род дворян Арсеньевых. 1389–1901» [16]. С 1910 г. В. С. Арсеньев служил в Туле, где стал одним из главных организаторов и первым председателем Тульской ученой архивной комиссии. В 1915 г. он занял должность псковского вице-губернатора, стал членом-учредителем и фактическим создателем Псковской ученой архивной комиссии. Надо полагать, что именно благодаря знакомству с В. С. Арсеньевым А. А. Сиверс стал членом обеих названных комиссий.

После вступления в Русское генеалогическое общество А. А. Сиверс завершил и опубликовал монографию, подготовленную совместно с Н. Н. Мухановым, – «Материалы к родословию Мухановых» [42; 50].

В декабре 1908 г. благодаря посредничеству Б. Л. Модзалевского завязалась переписка А. А. Сиверса, а затем и личное знакомство, с состоявшим в то время на военной службе Вадимом Львовичем Модзалевским (1882–1920), младшим братом Б. Л. Модзалевского [55]. Незадолго до этого В. Л. Модзалевский опубликовал первый том «Малороссийского родословника» [32], А. А. Сиверс сообщил ему дополнения и поправки к одной из родословных (Дунин-Борковских) и задал вопрос о малороссийском роде,

которым сам интересовался – Мартосах (к нему принадлежали его предки по линии матери)¹. Встретились интересы двух увлеченных историков, и их сотрудничество стало очень продуктивным. Так, А. А. Сиверс внёс большой вклад в опубликованную В. Л. Модзалевским поколенную роспись Мартосов [32, т. 3, с. 433–459].

В феврале 1911 г. в Русское генеалогическое общество вступил Николай Карлович фон Эссен (1885–1945) [24; 39]. Общие генеалогические интересы сблизили его с А. А. Сиверсом. Заведая полковым музеем лейб-гвардии Семеновского полка, Н. К. Эссен отдавал много сил изучению истории своего полка, уделяя особое внимание персоналии и генеалогии. О том, в какой степени он был увлечён генеалогией, говорит тот факт, что даже во фронтовых условиях во время Первой мировой войны не оставлял генеалогических занятий. В то же время Н. К. Эссен поддерживал переписку с А. А. Сиверсом². Свидетельством близких отношений генеалогов является то, что Н. К. Эссен, эмигрируя в Эстонию в 1920 г., оставил свой архив А. А. Сиверсу.

В 1913 г. А. А. Сиверс занял пост библиотекаря Русского генеалогического общества [40]. Приняв библиотеку, он установил чёткий порядок её использования членами общества – предоставил возможность посещать библиотеку еженедельно, по четвергам. В определённые часы они не просто могли приходить за книгами – для них появилась возможность регулярных встреч и общения с коллегами-генеалогами. Такие четверговые встречи со временем приняли форму научных собраний, где читались доклады. Еженедельные встречи способствовали установлению тесных связей между А. А. Сиверсом и его коллегами.

После ликвидации удельного ведомства в 1918 г. А. А. Сиверсу удалось начать новую деятельность в качестве исто-

¹ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 52; л. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 77. Л. 5–6.

рика-архивиста. Еще в марте 1917 г. он вошёл в число членов-учредителей Союза российских архивных деятелей, а после его преобразования в октябре 1919 г. А. А. Сиверс был избран заместителем председателя и казначеем (председателем стал С. Ф. Платонов, секретарем – А. Н. Макаров) [23].

В августе 1918 г. А. А. Сиверса пригласили работать в Петроградском отделе новосозданного Единого государственного архивного фонда, и вскоре он был утверждён в должности заведующего одного из его отделов¹. Его непосредственным начальником стал Александр Николаевич Макаров (1888–1973). У А. А. Сиверса сложились с ним дружеские отношения, А. Н. Макаров часто бывал в его доме [1, с. 369], А. А. Сиверс увлёк его генеалогией, 14 октября 1919 г. тот вступил в генеалогическое общество².

Генеалогические интересы объединяли А. А. Сиверса с некоторыми другими коллегами по архиву. Среди них назовем Сергея Васильевича Любимова (1872–1937) и Юрия Александровича Нелидова (1874–1940), а также князя Николая Владимировича Голицына (1874–1942), Алексея Васильевича Шебалова (род. 1869 г.) и Георгия Соломоновича Габаева (1877–1956).

С. В. Любимов (член Русского генеалогического общества с 1912 г.) до 1917 г. опубликовал ряд генеалогических трудов [29; 30]. В 1926 г. он был частично парализован [34; 50, с. 163–165]. Вероятно, к этому времени относится передача им некоторых своих бумаг А. А. Сиверсу, в частности росписи гр. Булгари³.

Ю. А. Нелидов (член Русского генеалогического общества с 1913 г.) позднее стал заведовать библиотекой Александринского театра, а в 1935 г. был выслан из Ленинграда в Горький [13]. Значительная часть генеалогических трудов

Ю. А. Нелидова хранится в его личном фонде в отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴. Вместе с тем в личном фонде А. А. Сиверса в отделе письменных источников Государственного исторического музея отложилось шесть папок с рукописями Ю. А. Нелидова, в том числе материалы о потомстве барона Павла Шафирова.

Примечательно, что и С. В. Любимов, и Ю. А. Нелидов продолжили свою деятельность как генеалоги в советские годы – они печатались в «Русском евгеническом журнале».

Князь Н. В. Голицын, А. В. Шебалов и Г. С. Габаев вступили в генеалогическое общество после 1917 г., вероятно под влиянием А. А. Сиверса, который фактически руководил его деятельностью с конца 1917 г. (после того как уехал в эмиграцию товарищ председателя Русского генеалогического общества барон М. А. Таубе).

В апреле 1923 г. в результате первой «чистки» Петроградского отделения Единого государственного архивного фонда А. А. Сиверс и другие специалисты были уволены. В то же время А. А. Сиверс сохранил должность научного сотрудника постоянной комиссии по нумизматике и глиптике в Российской академии истории материальной культуры. Здесь его коллегой был, например, нумизмат Алексей Константинович Марков (1858–1920). После его смерти, вероятно, его дочь передала А. А. Сиверсу семейные бумаги (имущественные документы и письма) рода Марковых⁵.

С августа 1923 г. А. А. Сиверс состоял сотрудником отдела нумизматики Государственного Эрмитажа⁶. Директором Эрмитажа в 1918–1927 гг. был известный геральдист и издатель Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948), член Русского генеалогического общества с

¹ РГИА. Ф. Архив архива. Д. 24. Л. 105–106.

² Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.

³ Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 102.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 515.

⁵ ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 372–412.

⁶ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 13. Д. 776. Л. 33.

февраля 1910 г. (можно предположить, что именно тогда он познакомился с А. А. Сиверсом¹).

Близким другом А. А. Сиверса стал его коллега по Эрмитажу, другой нумизмат – Николай Павлович Бауер (1888–1942). Они оба интересовались книжным экслибрисом и были активными членами Ленинградского общества экслибрисистов [12]. Позднее, в 1937 г., Н. П. Бауер, оставаясь в Ленинграде, в то время как А. А. Сиверс был лишён права проживания в городе, переправил ему свыше семисот томов из его личной библиотеки, в первую очередь книги по генеалогии и истории семей.

Помимо выполнения новых служебных обязанностей А. А. Сиверс продолжал активную общественную деятельность. Он и его коллеги делали всё, чтобы Русское генеалогическое общество продолжало существовать. Во многом благодаря его усилиям в 1918–1919 гг. оно продолжало регулярные встречи, впрочем, собиравшие порой совсем немногих.

В новых условиях Русское генеалогическое общество должно было пройти перерегистрацию. Для этого была создана инициативная группа, в состав которой вошли: А. А. Сиверс, князь Н. В. Голицын, Н. П. Лихачев, В. К. Лукомский, Б. Л. Модзалевский, Ю. А. Нелидов, С. Ф. Платонов, Ю. В. Татищев, С. Н. Тройницкий, А. В. Шебалин [25, с. 38]². В октябре 1919 г. на общем собрании было постановлено изменить устав и переименовать общество в Русское историко-генеалогическое. Тогда же были проведены выборы нового состава совета. Председателем был избран А. А. Сиверс, товарищем председателя – С. Н. Тройницкий, а секретарём – научный сотрудник Историко-бытового отдела Эрмитажа Юрий (Георгий) Владимирович Татищев (1875–1928), ставший ближайшим помощником А. А. Сиверса.

¹ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 71.

² Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 51. Л. 26–28.

С юных лет Ю. В. Татищев интересовался генеалогией, поскольку был племянником известного историка и генеалога Сергея Спиридоновича Татищева (1846–1906). В 1914 г. Ю. В. Татищев вступил в Русское генеалогическое общество, тогда же ему поручили издание второго тома незавершенного труда Г. А. Власьева «Потомство Рюрика» (в 1918 г. ему удалось опубликовать первую, в итоге оставшуюся единственной, часть этого тома).

Благодаря совместным усилиям новое общество было зарегистрировано, а в начале 1920 г. удалось решить вопрос с помещением – его библиотека и архив были перевезены в Фонтанный дом графов Шереметевых. Выделение места стало возможно, поскольку находящийся там Музей быта в то время состоял в ведении Археологического института во главе с С. Ф. Платоновым, а хранителем музея был выпускник этого института Николай Грацианович Пиотровский (1874–1931), сочувственно относившийся к генеалогическому обществу. Так, известно, что уже после переезда во дворец последний стал членом Русского историко-генеалогического общества и выступал на его заседании с докладом [25, с. 41, с. 269–279]. Архивом и библиотеками музея с января 1920 г. заведовал член совета общества В. К. Лукомский³. Однако, несмотря на все старания, в ноябре 1922 г. общество не было перерегистрировано и прекратило деятельность.

В 1920–1922 гг. А. А. Сиверсу и его коллегам удалось осуществить издание трёх выпусков научного исторического журнала «Дела и дни» (в состав редакционного комитета, кроме А. А. Сиверса, входили А. И. Андреев, А. Н. Макаров, А. С. Николаев и С. В. Рождественский). Каждая из книг насыщена интересным материалом [17]. Авторами выступили сам А. А. Сиверс и другие члены редакционного комитета, а также Я. Л. Барсков, И. А. Блинов, Б. Л. Модзалевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. А. Шахматов и др.

³ РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 59.

В 1928 г. А. А. Сиверс по вымышленному обвинению был арестован. В следственном деле ОГПУ фигурировали имена близких ему людей – Н. А. Типольта, Н. К. Эссена и А. Н. Шебалова, «скомпрометировавших» себя работой в архивных учреждениях. Однако названные «свидетели» уже не были доступны ОГПУ: Н. А. Типольт и Н. К. Эссен находились в эмиграции, а А. Н. Шебалов ещё в 1926 г. был сослан на Соловки «за хищение архивных материалов и выдачу архивных справок и документов лицам, бежавшим от Соввласти»¹.

По приговору 1929 г. А. А. Сиверс был сослан на три года в Туруханский край. Позднее его дочь писала: «Благодаря переписке с друзьями, присылавшими интересные его журналы и издания, отец всё время был в курсе происходящего не только на белом свете, но и в научном мире» [1, с. 480]. Кроме того, к А. А. Сиверсу не раз обращались с генеалогическими вопросами. Так, например, ему писала Ольга Геннадьевна Шереметева (1885–1941), которая состояла сотрудником Литературного музея и занималась изучением наследия П. Я. Чаадаева.

На обратном пути из ссылки А. А. Сиверс встретился в Енисейске с сосланным туда историком Александром Игнатьевичем Андреевым (1887–1959), в прошлом – коллегой по Обществу российских архивных деятелей и по редколлегии журнала «Дела и дни» (в 1933–1935 гг. тот работал научным сотрудником в Енисейском краеведческом музее).

После возвращения, будучи лишен права жить в ряде центральных городов, А. А. Сиверс поселился во Владимире. Там он оказался в окружении многих таких же «бывших» людей. Так, он общался с увлеченным историком и генеалогом Алексеем Александровичем Пазухиным (1883–1942), автором книги «Родословная Пазухиных и родословные матери-

алы Пазухинского архива» [37]. Будучи выпускником Александровского лицея, он служил в Государственной канцелярии, а после 1917 г. работал в Русском музее. Был репрессирован по «делу лицестов» [6; 49, с. 281].

В январе 1944 г. А. А. Сиверсу удалось поступить на работу в Москве в Государственный исторический музей на должность заведующего кабинетом нумизматики. В годы работы в музее А. А. Сиверс продолжал генеалогические исследования, а также встречался с близкими по интересам людьми. Известно, что в музее его навещали В. К. Лукомский и С. Н. Тройницкий. В. К. Лукомский был эвакуирован в Москву из блокадного Ленинграда в 1942 г., после того, как погибли его уникальная библиотека и архив, в 1942–1944 гг. был профессором Историко-архивного института. С. Н. Тройницкий жил в Москве после трёхлетней ссылки в Уфу, работал в Музее керамики в Кусково, а затем в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина [27]. В 1940-е гг. в Москве жил А. И. Андреев, в 1943–1949 гг. он заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивном институте.

* * *

А. А. Сиверс объединял вокруг себя людей, которые интересовались историческими науками, и в результате их активного сотрудничества был опубликован целый ряд генеалогических трудов высокого уровня. После 1917 г., благодаря деятельности А. А. Сиверса и его коллег, было продлено существование Русского генеалогического общества.

Своим пристрастием к генеалогии А. А. Сиверсу удавалось увлечь многих людей, изначально далеких от этой науки. Можно утверждать, что все близкие ему люди не остались в стороне от такого увлечения: они сообщали генеалогу сведения о своих предках, нередко передавали

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П–33433. Л. 4 второй паг.

ему свои семейные документы, особенно это относится к тем, кто вынужден был эмигрировать. Заметим, что А. А. Сиверс сумел сберечь эти бумаги в трудные годы и передать их на государственное хранение. Таким образом, широкий круг общения А. А. Сиверса способствовал росту его собрания: в настоящее время в его личных фондах сохранилось значительное число материалов по генеалогии и истории семей, ранее принадлежавших его коллегам и знакомым. Это богатое наследие до сих пор недостаточно оценено, хотя имеет важное значение для современных исследователей.

Александрова Н. А.

Генеалогия и атрибуция музейных предметов в работе Государственного музея А. С. Пушкина

Повседневная жизнь музейного работника состоит не только из подготовки выставок и экспозиций, проведения экскурсий и лекций, хранительской деятельности, но и научно-фондовой работы. Самым кропотливым процессом в жизни музейного предмета является его атрибуция, которая происходит на всех стадиях перемещения предмета в музей.

Значение понятия «атрибуция» отличается в разных дисциплинах. В филологии – это определение подлинности рукописного текста и установление его авторства, в искусствоведении – определение авторства и времени создания произведения. В музейном же деле атрибуцией предмета называют «выявление всех присущих ему признаков, выражающих разные стороны содержания этого предмета. Такими признаками являются материал, форма, размер, вес, цвет, тема, сюжет, техника исполнения, авторство, время и место создания и бытования, отношение к событию или явлению, принадлежность конкретному лицу и т. д.» [33, с. 302]. Чем точнее сделана атрибуция предмета, тем больше возможности у него для экспонирования и изучения.

Часто процесс атрибуции превращается в многолетнее исследование, когда надо из небытия вернуть автора, изображенное лицо, владельцев произведения. В процессе этой работы на помощь приходят многие исторические дисциплины, в том числе и генеалогия.

Владение методикой поиска генеалогической и биографической информации в опубликованных источниках и архивах, знание основных справочных изданий и электронных баз данных даёт возможность определить неизвестные факты, связанные с историей музейного предмета. И если авторство произведения определяется по внешним признакам, а имена владельцев можно выявить по истории бытования, то самым сложным становится работа по определению изображенных лиц. Это касается всех видов изображений – живопись, графика, фотография.

Атрибутировать портрет по внешним признакам, например, похожести двух лиц, практически невозможно. Это получается только тогда, когда человек имеет сильные отличительные характеристики.

В некоторых случаях, когда портрет предка находился постоянно во владении его потомков, то изображенное лицо определяется путём составления восходящей родословной таблицы. Так произошло с портретами из семьи Бегичевых. В 1974 г. в Государственный музей А. С. Пушкина поступили миниатюры от Веры Филипповны Захаровой (1913–2002). Они были именованы как портреты «молодого человека в мундире юнкера и неизвестной женщины из семьи Бегичевых» и датированы первой половиной XIX в.¹ При изучении родословия В. П. Захаровой было выяснено, что она была замужем за Владимиром Георгиевичем Бегичевым (1911–1997) – правнуком Петра Львовича Бегичева (1797 – до 1851)². На этом основании можно ут-

¹ Государственный музей А. С. Пушкина. КП 6033 ОР-1688; КП 6034 ОР-1689.

² Бегичев Ю. Бегичевы: их родственники, друзья и знакомые (генеалогия, воспоминания). М., 2006

верждать, что на одном портрете изображен сам Пётр Львович, а на другом – его жена Мария Павловна Бегичева, урожденная Казаринова (ум. после 1846), что подтверждают и другие их изображения.

Бывает, что отсутствие достоверной генеалогической информации приводит к ошибке в определении изображенных лиц. Так случилось с фотографиями из архива родной сестры А. С. Пушкина – Ольги Сергеевны Павлицевой (1797–1868). Этот архив поступил в музей в 1962–1965 гг. от семьи пушкинистов Александра Леонидовича и Лидии Леонидовны Слонимских. Л. Л. Слонимская доводилась Ольге Сергеевне правнучкой по линии её дочери, художницы-пейзажистки Надежды Николаевны Панэ (1837–1909). В Павлицевский архив входят официальные документы, переписка О. С. Павлицевой с родными, фотографии. При изучении её переписки с мужем, дочерью и сыном стало понятно, что некоторые сведения о семье Павлицевых, утвердившиеся в пушкинистике, неверны.

На начальном этапе исследования было составлено нисходящее родословие семьи Павлицевых, которое строилось от Ивана Васильевича Павлицева (1766–1816). Выяснилось, что, кроме дочерей, у него было два сына – Павел (1795–1863) и Николай (1802–1879). Н. И. Павлицев был женат на О. С. Пушкиной, а П. И. Павлицев – на Анне Федоровне Офросимовой (умерла в 1899 г.). Стало понятно, что портреты, которые были приняты в музей как изображения детей и внуков О. С. Павлицевой, на самом деле изображают членов семьи П. И. Павлицева [см. 3].

Изучение архива семьи Павлицевых помогли атрибутировать портреты не только из собрания Государственного музея А. С. Пушкина, но и других пушкинских музеев. При составлении родословной таблицы потомков О. С. Павлицевой

(Государственный музей А. С. Пушкина. На правах рукописи).

были установлены неизвестные ранее генеалогические и биографические факты, что позволило уточнить сведения о некоторых музейных предметах, хранящихся во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

Приведем пример: в книге «Преданья русского семейства: Портреты. Реликвии. Документы» опубликована фотография с подписью «О. С. Павлицева с семьей своей дочери Н. Н. Пане. 1860-е гг.» [44, с. 87, № 131]. На сайте Музейного фонда РФ он описан следующим образом: «Неизвестный фотограф. Групповой портрет: Павлицева О. С. (1797–1868), урожд. Пушкина, сестра поэта, её дочь Надежда Николаевна Пане (1837–1909), зять Осип Пане и внуки: Гумберт-Николай (1865–1919), Ольга (1866–1930) и Елена (1867–1942). Период создания: 1867–68 гг. Материал, техника: картон – фирменный бланк, альбуминовый отпечаток. Размер: 13,2 x 9,6 фото, 13,5 x 9,7 картон. Место создания: Петербург, Морская, 26. Номер в Госкаталоге: 3090620. Номер по ГИК (КП): 11451. Инвентарный номер: Дф-563. Описание: Групповой портрет. На переднем плане на стуле сидит Ольга Сергеевна в накидке и чепце, на руках она держит маленькую внучку; за нею стоит Н. Н. Пане в тёмном платье и Осип Пане в сюртуке. Впереди вторая внучка в коляске и внук в белой рубашке и русских сапожках. На об[ороте] кар[тона]: “Осип Пане / Надежда Николаевна / Гумберт-Никол[ай] / Ольга, Елена”. Справа на об[ороте] кар[тона]: “Павлицева / О.С., с семь/ей ее дочери (?)”. В центре на об[ороте] золотом штамп фотоателье: “АН / С.Петербургская / фотографія / Б.Морская 26 / копія”. Углы паспарту закруглены».

По письмам Н. Н. Панэ, которая после замужества жила в Неаполе, и ответным письмам О. С. Павлицевой, понятно, что последняя никогда не видела своих внуков. В 1864–1868 гг. она жила в Санкт-Петербурге, а в летние месяцы – в Павловске, и по состоянию здоровья

не могла путешествовать. Н. Н. Панэ не могла приехать в Петербург из-за сложности и дальности дороги с малолетними детьми. Поэтому очевидно, что на этом снимке изображена не О. С. Павлицева, а, возможно, няня.

Во многих изданиях происходила путаница с датами рождения детей Н. Н. Панэ. Даже в таком серьёзном генеалогическом справочнике, как «Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки» [8] их даты рождения указаны неверно.

При изучении архивных материалов и составлении родословной семьи Павлицевых были уточнены даты рождения детей Н. Н. Панэ: Николай (Умберто) родился 5 мая 1865 г., Ольга – 18 января 1868 г., Елена – в 1869 г. Так как на фотографии изображены трое детей и сидящая в коляске младшая дочь, то этот снимок, скорее всего, сделан в Варшаве в 1870–1871 гг., через несколько лет после смерти О. С. Павлицевой. Это еще раз подтверждает, что пожилая женщина в чепце – это не она, а няня Н. Н. Панэ и её брата Л. Н. Павлицева – Наталья Никитична Забугина. Она пришла в дом к О. С. Павлицевой ещё в 1830-е гг., когда её дети были совсем маленькими, и осталась в этой семье на всю жизнь. В последние годы жизни О. С. Павлицевой она была её самым близким человеком. В письмах Н. Н. Забутиной описаны последние дни её хозяйки¹. После смерти О. С. Павлицевой ей по старости было отказано в проживании в других семьях, и Н. Н. Панэ решила забрать её к себе в Варшаву, где тогда проживала со своей семьёй².

На вышеуказанном снимке изображены: Панэ (Пане) Иосиф (Осип) Рафаилович (умер в 1897 г.), Панэ (Пане) Надежда Николаевна (23 мая 1837 – 11 февраля 1909), их дети: Николай (Умберто) (5 мая 1865–1919), Ольга (18 января 1868–1930),

Елена (1869 – 20 июля 1942) и няня Наталья Никитична Забугина (умерла после 1871 г.).

Снимок, хранящийся во Всероссийском музее А. С. Пушкина, по всей видимости, является пересъёмкой со снимка, сделанного в Варшаве, о чём и указывает слово «копия» на бланке фотоателье.

Изучение архивных материалов по истории рода Павлицевых дало возможность разобраться с портретами сыновей А. С. Пушкина – Александра и Григория, а также племянника Льва Павлицева. Они все в пожилом возрасте имели сильное внешнее сходство. Все трое носили бороду, часто снимались в очках, имели схожие черты лица. Если они изображены на снимках в мундире, их можно различить, но на неподписных снимках в штатском платье они похожи друг на друга. Именно из-за этого произошла путаница с портретами, хранящимися в Литературном музее А. С. Пушкина (Маркучяй, Литва). На его сайте представлены негативы фотографий неизвестных мужчин и Варвары Алексеевны Пушкиной, урождённой Мельниковой, сделанные в Вильне и датируемые рубежом XIX–XX в. – до 1914 г., и фотография, сделанная в Маркучяе и датируемая рубежом XIX–XX в. – до 1914 г. Изображение на этих снимках приписывалось сыновьям поэта – или Григорию, или Александру.

В Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) в Павлицевском архиве³ хранится дневник Л. Н. Павлицева, который состоит из 23 тетрадей. Одна из них посвящена поездкам в Маркучяй с 1909 по 1912 гг.⁴ В ней была обнаружена запись, касающаяся отъезда Л. Н. Павлицева из Вильны в Санкт-Петербург 28 июля (вторник) 1909 г.: «Остановились у фотографии. Тут же согласно общему желанию фотограф снял с меня и Мельникова портреты на улице. Первый снимок:

¹ Государственный музей А. С. Пушкина. КП 11800/185, 187, 188 P-122.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2281.

³ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 221.

⁴ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 221. Д. 31068.

я с Пушкиной сидим в коляске, второй: стоим я и Мельников на улице рука об руку и будто бы разговариваем. Процедура окончилась быстро. Затем я простился с Мельниковым (он спешил по службе к губернатору), а я поехал с В[арварой] А[лексеев]ной на вокзал...»¹.

Вышеупомянутые снимки можно датировать 28 июля 1909 г., и на них изображены В. А. Пушкина (1855–1935), Л. Н. Павлищев (8 октября 1834 – 6 июля 1915) и Алексей Павлович Мельников – сын Павла Алексеевича Мельникова и племянник Варвары Алексеевны. Основываясь на портретном сходстве, полном совпадении костюма, можно с уверенностью сказать, что на фотографии, сделанной в Маркучье, изображен Л. Н. Павлищев.

Атрибуционная работа многих музейных предметов невозможна без генеалогии и знания методических и практических аспектов дисциплины. Несмотря на то, что музейные хранители редко считают себя профессиональными генеалогами, в повседневной деятельности они нередко владеют навыками этой профессии, что даёт возможность неизвестных лиц переводить в категорию опознанных, а их портреты выводить из небытия.

Наумов О. Н.

Заключительное слово

Материалы нашего круглого стола в полной мере отразили состояние современной российской генеалогии, поиск методов модернизации родословного знания. Показательно, что они посвящены

не каким-либо конкретным родам, а именно общим проблемам дисциплинарного дискурса – теоретическим, методическим, источниковедческим. Немаловажное место заняло осмысление накопленного исследовательского опыта. Следует акцентировать обращённость выступлений ко всем сословиям. Политематичность однозначно демонстрирует всесословность и социальную интегрированность современной генеалогии. Однако родословный дискурс всех социальных групп опирается на общий теоретико-методический фундамент, хотя каждая из тематических разделов имеет источниковедческие, историографические и информационные особенности, даёт специфические возможности для анализа исторических событий и процессов.

Другой особенностью круглого стола стало осмысление междисциплинарных связей генеалогии, стремление к расширению её диалога с другими областями гуманитарного знания. Это отражает один из важнейших трендов современности, когда активно происходит интеграция наук и генезис новых комплексных разделов познания.

Значение материалов круглого стола двояко: авторам удалось одновременно обоснованно и обстоятельно показать состояние родословных исследований в современной России и наметить перспективы пути модернизации дисциплины, которые должны способствовать генезису верифицированного знания о прошлом через родословный дискурс.

Статья поступила в редакцию 25.03.2020

¹ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 221. Д. 31068. Л. 58 об.–59.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксакова (Сиверс) Т. А. Семейная хроника. Кн. 1. М. : Территория, 2005. 494 с.: ил.
2. Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М. : Наука, 1993. 219 с.
3. Александрова Н. А. Атрибуция фотографий из семьи Павлищевых // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 5. М., 2015. С. 265–277.
4. Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М. : Археографический центр, 1996. 414 с.
5. Арсеньев В. С. Род дворян Арсеньевых. Тула: Тип. Губ. правл., 1903. 369 с.
6. Артюхов К. В. Пазухин Алексей Александрович // Лицейская энциклопедия. Т. 2. СПб. : Logos, 2013. С. 488–489.
7. Барышников М. Н. Деловой мир России : историко-биографический справочник. М. : Искусство, 1998. 448 с.
8. Бессонова А. М. Прадед Пушкина и его потомки. Очерки. Родословная роспись. СПб. : Бельведер, 2003. 328 с.
9. Бурков В. Г. Фалеристика: учеб. пособие. М. : РГУ, 2000. 164 с.
10. Бурый П. А. Москва купеческая. Записки. М. : Высшая школа, 1991. 352 с.
11. Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.
12. Гайдуков П. Г. Николай Павлович Бауер. Судьба нумизмата и его научного наследия // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 1. С. 36–48.
13. Гессен В. Ю. Дипломат и генеалог Юрий Александрович Нелидов: его предки и потомки // Клио. 2011. № 6. С. 100–112.
14. Голицын Н. Н. кн. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. 611 с.
15. Дворянские роды Российской империи. Т. 1 Князья / П. Х. Гребельский, С. В. Думин, А. Б. Мирвис, А. А. Шумков, Ю. В. Катин-Ярцев. СПб. : Печатный двор, 1993. 344 с.
16. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 6 : Род дворян Арсеньевых / сост. В. С. Арсеньев. Тула, 1903. 246 с.
17. Дела и дни : исторический журнал / ред. ком. А. И. Андреев, А. Н. Макаров, А. С. Николаев, С. В. Рождественский, А. А. Сиверс. Кн. 1–3. Пб. : Гос. изд., 1920–1921.
18. Деннингхаус В., Савин А. И. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почета” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.
19. Долгоруков П. В. кн. Российская родословная книга : в 4 ч. СПб., 1854–1857.
20. Долгоруков П. В. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб. : Типография Э. Праца, 1840. 348 с.
21. Ежегодник Пушкинского Дома на 1996 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 606 с.
22. Елпатьевский С. Я. Из воспоминаний // Александровская слобода : сборник. Александров, 1998. 268 с.
23. Иванова Л. В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 194–203.
24. Катин-Ярцев М. Ю. Эссен (Essen) Николай Карлович, фон // Немцы России : энциклопедия. Т. 3. М.: ЭРН, 2006. С. 851–852.
25. Краско А. В. Русское генеалогическое общество: 1918–1922 (страницы истории) // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 37–43.
26. Краско А. В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. М. : Центрполиграф, 2009. 443 с.
27. Лебедева Т. А. Воспоминания о последних годах жизни С. Н. Тройницкого // Казакевич Н. И. Западно-европейский фарфор в Эрмитаже. История собрания. СПб. : Нестор-История, 2005. С. 349–366.
28. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1–2. 2-е изд. СПб: Типография А. С. Суворина, 1895.
29. Любимов С. В. Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. 108 с.
30. [Любимов С. В.] Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910. Т. 1–2.

31. Милорадович Г. А. Сказания о роде дворян и графов Милорадовичей. СПб.; Киев, 1873–1884. Вып. 1–2.
32. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 1–4.
33. Музейное дело России / под ред. М. П. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундеевой. М. : ВК, 2003. 614 с.
34. Наумов О. Н. Генеалог Сергей Васильевич Любимов: материалы к биографии // Генеалогический вестник. 2011. № 41. С. 36–48.
35. Наумов О. Н. Очерки по русской генеалогии. М.: Старая Басманная, 2012. 662 с.
36. Наумов О. Н. Стрешневы : материалы к родословию. Калуга, 2013. 73 с.
37. Пазухин А. А. Родословная Пазухиных и родословные материалы Пазухинского архива. СПб., 1914. 92 с.
38. Памяти Бориса Львовича Модзалевского, 1874–1928. Биографические даты, библиография трудов. М.: Русское общество друзей книги, 1928. 30 с.
39. Пец А. П. Николаем Карлович фон Эссен // Из истории Русского генеалогического общества: сб. статей. СПб., 2001. С. 93–98.
40. Полянская Ю. Н. А. А. Сиверс – библиотекарь Русского генеалогического общества // Клио. 2014. № 1. С. 112–113.
41. Полянская Ю. Н. К вопросу о биографии генеалoga А. А. Сиверса (1866–1954) // Известия Русского генеалогического общества. 2010. № 22. С. 5–20.
42. Полянская Ю. Н. Монография А. А. Сиверса «Материалы к родословию Мухановых» // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. научн. тр. Вып. 15. СПб., 2010. С. 170–176.
43. Правящая элита Русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 547 с.
44. Преданья русского семейства: Портреты. Реликвии. Документы. СПб. : ЭГО, 1999. 144 с.
45. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. / В. Н. Захаров, А. К. Сорокин, В. И. Бовыкин; ред. А. К. Сорокин. М. : Росспэн, 1997. 351 с.
46. Примаченко П. А. Русский торгово-промышленный мир. М. : Планета, 1993. 336 с.
47. Пругавин В. С., Харизоменов С. А. Промыслы Владимирской губернии. М. : Асаф Баранов, 1882–1884. Вып. I–V.
48. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885–1887. Т. 1–2.
49. Рыхляков В. Н. Пазухин Алексей Александрович // Биографический словарь воспитанников и педагогов Императорского Александровского Лицея. СПб. : Европейский Дом, 2016. 460 с.: ил.
50. Рыхляков В. Н. Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Осипов, 2005. 327 с.
51. Сиверс А. А. Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. 376 с.
52. Сиверс А. А. Родословные заметки // Сборник статей, посвящённых Л. М. Савелову. М., 1915. С. 198–209.
53. Татищев С. С. Род Татищевых. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. 400 с.
54. Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. Муром : Всероссийский фонд культуры. Муромское отделение, 1991. 100 с.
55. Томозов В. В. К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 44–51.
56. 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / сост. О. Платонов. М. : Современник, 1995. 479 с.
57. Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М. : Моск. рабочий, 1980. 352 с.
58. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 509 с.

REFERENCES

1. Aksakova (Sivers) T. A. *Semejnaya hronika. Kn. 1.* [Family Chronicle. Vol. 1]. Moscow, Territoriya Publ., 2005. 494 p.
2. Aksenov A. I. *Ocherki genealogii uezdnogo kupechestva XVIII v.* [Essays on the Genealogy of the District Merchants of the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 219 p.
3. Aleksandrova N. A. [Attribution of Photographs from the Pavlishchev family]. In: *Istoriya Moskovsko-*

- go kraja: *Problemy, issledovaniya, novye materialy*. Vyp. 5. [History of the Moscow Region: Problems, Researches, New Materials. Vol. 5]. Moscow, 2015, pp. 265–277.
4. Antonov A. V. *Rodoslovnye rospisi konca XVII v.* [Family Murals of the end of 17th century]. Moscow, Archaeographic center Publ., 1996. 414 p.
 5. Arsenëv V. S. *Rod dvoryan Arsen'evykh* [Arseniev Family of Nobles]. Tula: Provincial government printing house Publ., 1903. 369 p.
 6. Artyuhov K. V. [Alexey Pazukhin]. In: *Licejskaya enciklopediya*. T. 2 [Lyceum Encyclopedia. Vol. 2]. Saint-Peterburg, Logos, 2013, pp. 488–489.
 7. Baryshnikov M. N. *Delovoj mir Rossii : istoriko-biograficheskij spravocnik* [The Business World of Russia : a Historical and Biographical Reference Book]. Moscow, Iskustvo Publ., 1998. 448 p.
 8. Bessonova A. M. *Praded Pushkina i ego potomki. Oчерki. Rodoslovnaya rospis'* [Pushkin's Great-grandfather and His Descendants. Essays. Family Tree]. Saint-Peterburg, Bel'veder Publ., 2003. 328 p.
 9. Burkov V. G. *Faleristika : ucheb. posobie* [Faleristics: a tutorial]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000. 164 p.
 10. Buryshkin P. A. *Moskva kupecheskaya. Zapiski* [Merchant Moscow. Notes]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 352 p.
 11. Varencov N. A. *Slyshannoe, vidennoe, peredumannoe, perezhitoe* [Heard, seen, reconsidered, experienced]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 848 p.
 12. Gajdukov P. G. [Nikolai Pavlovich Bauer. The Fate of the Numismatist and His Scientific Heritage]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], 2011, no. 1, pp. 36–48.
 13. Gessen V. Yu. [Diplomat and genealogist Yuri Alexandrovich Nelidov: his ancestors and descendants]. In: *Klio* [Clio], 2011, no. 6, pp. 100–112.
 14. Golicyn N. N. *Rod knyazej Golicynykh*. T. 1. [Family of princes Golitsyns. Vol. 1.]. Saint-Peterburg, I. N. Skorohodov's Publ., 1892. 611 p.
 15. Grebel'skij P. H., Dumin S. V., Mirvis A. B., Shumkov A. A., Katin-Yarcev Yu. V. *Dvoryanskije rody Rossijskoj imperii*. T. 1 *Knyaz'ya* [Noble families of the Russian Empire. Vol. 1 Princes]. Saint-Peterburg, Pechatnyj dvor Publ., 1993. 344 p.
 16. Arsenëv V. S., ed. *Dvoryanskoe soslovie Tul'skoj gubernii*. T. 6 : *Rod dvoryan Arsen'evykh* [The Nobility of the Tula Province. Vol. 6 : The Arseniev Family of Nobles]. Tula, 1903. 246 p.
 17. Andreev A. I., Makarov A. N., Nikolaev A. S., Rozhdestvenskij S. V., Sivers A. A., ed. *Dela i dni : istoricheskij zhurnal*. Kn. 1–3 [Deeds and Days: Historical Journal. Vol. 1–3]. Peterburg, Governmental Publ., 1920–1921.
 18. Denninghaus V., Savin A. I. [“Look, both Manya and Tanya get some kind of Badge of Honor”. Brezhnev's “industry” of awards and Soviet society]. In: *Rossijskaya istoriya* [Russian History], 2014, no. 2, pp. 127–149.
 19. Dolgorukov P. V. *Rossijskaya rodoslovnaya kniga : v 4 ch.* [Russian Genealogy Book : in 4 volumes]. Saint-Peterburg, 1854–1857.
 20. Dolgorukov P. V. *Skazaniya o rode knyazej Dolgorukovykh*. [Legends about the Family of the Dolgorukov Princes]. Saint-Peterburg, E. Prac's Publ., 1840. 348 p.
 21. *Ezhegodnik Pushkinskogo Doma na 1996 g.* [Yearbook of the Pushkin House for 1996]. Saint-Peterburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2001. 606 p.
 22. Elpatëvskij S. Ya. [From the memories]. In: *Aleksandrovskaya sloboda : sbornik* [Aleksandrovskaya Sloboda: collection of the articles]. Aleksandrov, 1998. 268 p.
 23. Ivanova L. V. [From the history of the Union of Russian Archival Workers in 1917–1924]. In: *Problemy istorii russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskij nauki* [Problems of the history of the Russian social movement and historical science]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 194–203.
 24. Katin-Yarcev M. Yu. [Essen Nikolaj Karlovich, fon]. In: *Nemcy Rossii : enciklopediya*. T. 3. [Germans of Russia: an encyclopedia. Vol. 3.]. Moscow, ERN Publ., 2006, pp. 851–852.
 25. Krasko A. V. [Russian Genealogical Society: 1918–1922 (pages of history)]. In: *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*. 1995. Vyp. 4. [Bulletin of the Russian Genealogical Society], 1995, vol. 4, pp. 37–43.
 26. Krasko A. V. *Tri veka gorodskoj usad'by grafov Sheremetevykh. Lyudi i sobytija* [Three centuries of the city estate of the Sheremetevs. People and events]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2009. 443 p.

27. Lebedeva T. A. [Memories of the last years of S. N. Troinitsky's life]. In: *Kazakevich N. I. Zapadnoevropejskij farfor v Ermitazhe. Istoriya sobraniya* [Kazakevich N. I. Western European porcelain in the Hermitage. The history of the collection]. Saint-Peterburg, 2005, pp. 349–366.
28. Lobanov-Rostovskij A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga. T. 1–2* [Russian genealogical book. Vol. 1–2.]. Second edition. Saint-Peterburg, A. S. Suvorin's Publ., 1895.
29. Lyubimov S. V. *Opyt istoricheskikh rodoslovij: Gundorovy, Zhizhemskie, Nesvickie, Sibirskie, Zotovy i Ostermany* [Samples of historical genealogies: the Gundorovs, the Zhizhemskeys, the Nesvitskys, the Siberskys, the Zotovs and the Ostermans]. Peterburg, 1915. 108 p.
30. [Lyubimov S. V.] *Titulovannyye rody Rossijskoj imperii* [Titled families of the Russian Empire]. Saint-Peterburg, 1910, Vol. 1–2.
31. Miloradovich G. A. *Skazaniya o rode dvoryan i grafov Miloradovichej. Vyp. 1–2*. [Tales of the counts Miradovich family. Vol. 1–2.]. Saint-Peterburg; Kiev, 1873–1884.
32. Modzalevskij V. L. *Malorossijskij rodoslovník* [Pedigrees of Malorossiya]. Kiev, 1912. Vol. 1–4.
33. Kaulen M. P., Kossova I. P., Sundeeva A. A., ed. *Muzejnoe delo Rossii* [Museums in Russia]. Moscow, VK Publ., 2003. 614 p.
34. Naumov O. N. [Genealogist Sergey Vasilievich Lyubimov: materials for the biography]. In: *Genealogicheskij vestnik* [Genealogical Bulletin], 2011, no. 41, pp. 36–48.
35. Naumov O. N. *Ocherki po russkoj genealogii* [Essays on Russian Genealogy]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2012. 662 p.
36. Naumov O. N. *Streshnevyye: materialy k rodosloviyu* [The Streshnevs: materials for genealogy]. Kaluga, 2013. 73 p.
37. Pazuhin A. A. *Rodoslovnaya Pazuhinyh i rodoslovnnye materialy Pazuhinskogo arhiva* [Family Tree of the Pazukhins and pedigree materials of the Pazukhins' archive]. Saint-Peterburg, 1914. 92 p.
38. *Pamyati Borisa Lvovicha Modzalevskogo, 1874–1928. Biograficheskie daty, bibliografiya trudov* [In memory of Boris Lvovich Modzalevsky, 1874–1928. Biographical dates, bibliography of works]. Moscow, Russkoe obshchestvo druzey knigi Publ., 1928. 30 p.
39. Pec A. P. [Nikolaj Karlovich fon Essen]. In: *Iz istorii Russkogo genealogicheskogo obshchestva: sb. statej* [From the history of the Russian genealogical society: collection of articles]. Saint-Peterburg, 2001, pp. 93–98.
40. Polyanskaya Yu. N. [A. A. Sivers – librarian of the Russian Genealogical Society]. In: *Klio* [Clio], 2014, no. 1, pp. 112–113.
41. Polyanskaya Yu. N. [On the biography of the genealogist A. A. Sivers (1866–1954)]. In: *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Genealogical Society], 2010, no. 22, pp. 5–20.
42. Polyanskaya Yu. N. [Monograph by A. A. Sivers “Materials for the genealogy of the Mukhanovs”]. In: *Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka: sb. nauchn. tr. Vyp. 15* [Book business in Russia in the XIX – early XX century: collection of scientific articles. Vol. 15]. Saint-Peterburg, 2010, pp. 170–176.
43. *Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachalo XVIII v.: Ocherki istorii* [The ruling elite of the Russian state in IX - early XVIII century: Historical Essays]. Saint-Peterburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2006. 547 p.
44. *Predaniya russkogo semeystva: Portrety. Relikvii. Dokumenty* [Legends of Russian Family: Images, Relicts, Documents]. Saint-Peterburg, EGO Publ., 1999. 144 p.
45. Zaharov V. N., Sorokin A. K., Bovykin V. I., Sorokin A. K., ed. *Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii ot istokov do nachala XX v.* [Entrepreneurship and entrepreneurs of Russia from the beginnings to the beginning of the XX century]. Moscow, Rosspen Publ., 1997. 351 p.
46. Primachenko P. A. *Russkij torgovo-promyshlennyj mir* [Russian commercial and industrial world]. Moscow, Planeta Publ., 1993. 336 p.
47. Prugavin V. S., Harizomenov S. A. *Promysly Vladimirskoj gubernii* [Crafts of the Vladimir province]. Moscow, Asaf Baranov Publ., 1882–1884. Vol. I–V.
48. Rummel' V. V., Golubcov V. V. *Rodoslovnnyj sbornik russkikh dvoryanskih familij* [Genealogical collection of Russian noble families]. Saint-Peterburg, A. S. Suvorin's Publ., 1885–1887. Vol. 1–2.
49. Ryhlyakov V. N. [Pazuhin Aleksej Aleksandrovich]. In: *Biograficheskij slovar' vospitannikov i pedagogov Imperatorskogo Aleksandrovsikogo Liceya* [Biographical dictionary of students and teachers of the Imperial Alexander Lyceum]. Saint-Peterburg, Evropejskij Dom Publ., 2016. 460 p.

50. Ryhlyakov V. N. *Peterburzhcy – avtory rabot po genealogii i istorii semej* [Petersburg authors of works on genealogy and family history]. Second edition. Saint-Peterburg, Osipov Publ., 2005. 327 p.
51. Sivers A. A. *Materialy k rodosloviyu Muhanovyh* [Materials for Muhanovs' Family Tree]. Saint-Peterburg, 1909. 376 p.
52. Sivers A. A. [Pedigree Essays]. In: *Sbornik statej, posvyashchyonyh L. M. Savelovu* [Collection of articles devoted to L. M. Savelov]. Moscow, 1915, pp. 198–209.
53. Tatishchev S. S. *Rod Tatishchevyh* [The Tatishchev family]. Saint-Peterburg, A. S. Suvorin's Publ., 1900. 400 p.
54. Titov A. A. *Istoricheskoe obozrenie goroda Muroma* [Historical review of the city of Murom]. Murom, Vserossijskij fond kul'tury. Muromskoe otdelenie Publ., 1991. 100 p.
55. Tomozov V. V. [On the Anniversary of V. L. Modzalevskij]. In: *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Genealogical Society], 1995, no. 4, pp. 44–51.
56. Platonov O., ed. *1000 let russkogo predprinimatel'stva: iz istorii kupecheskih rodov* [1000 years of Russian entrepreneurship: from the history of merchant families]. Moscow, Sovremennik Publ., 1995. 479 p.
57. Chekhov M. P. *Vokrug Chekhova. Vstrechi i vpechatleniya* [Around Chekhov. Meetings and impressions]. Moscow, Mosk. rabochij Publ., 1980. 352 p.
58. Eskin Yu. M. *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI – XVII vv.* [Essays on the history of parochialism in Russia in the 16th–17th centuries.]. Moscow, Kvadriga, 2009. 509 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Наталья Алексеевна – хранитель музейных предметов I категории отдела письменных и аудиовизуальных источников Государственного музея А. С. Пушкина;
e-mail: natasha.a.aleksandrova@yandex.ru

Ильина Елизавета Борисовна – младший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода», аспирантка Московского государственного областного университета;
e-mail: elizaveta-ilina-1995@mail.ru

Калинин Денис Александрович – аспирант Московского государственного областного университета;
e-mail: dens-arts@yandex.ru

Наумов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: onnaum@mail.ru

Полянская Юлия Николаевна – научный сотрудник Центра генеалогии Российской национальной библиотеки;
e-mail: rgo@nlr.ru

Сахаров Игорь Васильевич – кандидат географических наук, руководитель Центра генеалогии Российской национальной библиотеки, президент Русского генеалогического общества, первый вице-президент Международной академии генеалогии;
e-mail: sakharov@nlr.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya A. Alexandrova – curator of the first category museum objects, the written and audiovisual sources department of the State Museum of A. S. Pushkin;
e-mail: natasha.a.aleksandrova@yandex.ru

Elizaveta B. Ilina – junior researcher, the State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve “Aleksandrovskaya Sloboda”;
e-mail: elizaveta-ilina-1995@mail.ru

Denis A. Kalinin – postgraduate, Moscow Region State University;
e-mail: dens-arts@yandex.ru

Oleg N. Naumov – Dr. Sci. (History), Prof., the Department of Modern History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: onnaum@mail.ru

Juliya N. Polyanskaya – researcher, the Genealogical Center at The National Library of Russia;
e-mail: rgo@nlr.ru

Igor V. Sakharov – Cand. Sci (Geography), head of the Genealogical Center at the National Library of Russia, president of the Russian Genealogical Society, first vice-president of International Academy of Genealogy;
e-mail: sakharov@nlr.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Современные проблемы российской генеалогии (круглый стол) / О. Н. Наумов., Д. А. Калинин, Е. Б. Ильина, И. В. Сахаров, Ю. Н. Полянская, Н. А. Александрова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 6–34. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-6-34

FOR CITATION

Naumov O. N., Kalinin D. A., Il'ina E. B., Sakharov I. V., Polyanskaya Yu. N., Aleksandrova N. A.. Modern Problems of Russian Genealogy (Round Table). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 6–34.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-6-34